

СОТНИК

Глава 1

Турово-Пинское княжество. Село Ратное.

Лето 1127 г.

Дх, как же здорово пробежаться босиком по траве! Высокой, в пояс. Пройтись по тропинке, по заливному лугу, спуститься к реке... окунуться, нырнуть... В такую-то жару — лепо, ах, лепо! Жаль вот только некогда. Старуха Брячислава строгонастрого наказывала к полудню вернуться. Надо было пойти ворошить лен, потом еще натаскать воды в дом и в баню, покормить гусей да уток, да сбегать на межполе — глянуть, как там пастушонок Вячко с овцами управляется. Может, разбежались они там у него давно, или волки утащили.

Подумав так, Горислава замедлила шаг и резко тряхнула головой, так, что косы ее взметнулись, ударили будто хлыстами по плечам.

Нет, не должны бы волки! На то у Вячко пес есть — Гробой. Гробой — умный. Если что не так, давно бы поднял лай — тут и мужики бы с полей прибежали. Да и Михайлов городок — рядом. А там — младшая стража, отроки. Да и Гробой — здоровенный такой псинище, потомок знаменитого на все село Чифа. Черный, с подпалинами рыжими, а уж клыки-и-и!

Вячко, правда, глуповат, да и маловат еще — едва девятый год пошел.

Зато отроки младшей стражи хоть куда, оружные, к бою умелые. И боярич Михаил с ними — сотник молодой. Многим девкам Мишаня глянулся, а вот Гориславе, Горьке — не особо как-то. Смурной он какой-то, Миша-Михайла-Михаил, да весь всегда в заботах, в трудах. С родичем своим недавним, Тимкой Кузнециком, все шушукуются — а о чем, бог весть. Да Тимка такой же — себе на уме... Так и Миша. Виданное ли дело — молодой-то парень, что недавно шестнадцатое лето разменял?! Ему бы по девкам да в игрищах... Однако же положение не позволяет — сотник, боярич, золотая гривна на груди — от самого князя Туровского! Да и есть у него зазнобушка — лекарка Иулия, в просторечии Юлька. Русая, худая — на что и смотреть-то? То ли дело она — Горислава Путятична! Ну и что с того, что сирота — многие в недавнюю пору от лихоманки сгинули, многие. В Нинеинной веси вон, почти что все... Пара деревень только и осталась, да и те... Вот и родители Гориславы — тоже от лихоманки «сгорели». Саму Горьку взяли на воспитание родичи — семейство бедовой вдовицы Брячиславы, — всегда так и было. Уж не оставили, все в Ратном — родня. А невест ратнинские парни за всегда в соседних деревнях высматривали, не в своей — так веками повелось, так положено было. Вот из одной такой деревни — Василькова, что меж Нинеинной весью и землями смурного боярина Журавля — и возвращалась сейчас Горислава. Ходила проведать родичей, заодно — подарки от старой Брячиславы занести да пригласить по осени в гости.

Ох, хитра Брячислава-вдовица, не смотри что старая — лет сорок уже, — а себя в порядке держит. Да не только себя, все семейство! Муж ее Велимир

погиб лет с десяток назад, там, на поле брани и схоронили. А Брючислава вот осталась... Все семейство под ней, и семейство немалое. Ум у старухи востер, а рука тяжелая! Сколько раз Брючислава Горьку лупила, таскала за косы – уму-разуму беспутную девку учила! Ну да, беспутную – что уж тут говорить. Где бы промолчать – так Горька съязвит, где бы потупить очи скромно – так наоборот, глянет нагло, с вызовом. В играх ли, в работе – никому спуска не даст! Ни на какие заслуги не смотрит. Говорят – вся в отца...

Эх-х... Подняла девушка голову да, прикрыв от солнца глаза, глянула в небо. Прикинула – далеко полдень аль нет? Солнышко-то – эвон, от старой сосны слева. Значит, еще до полудня... Ну, не то чтобы очень, но время какое-то есть. Выкупаться можно! А что – потной сразу за все дела хвататься? В этакую-то жарень? Накось, выкусите!

Представив грозное лицо Брючиславы и ее тяжелую руку, Горька было заколебалась... Но тут же, плюнув, побежала по косогору к реке. Босиком, по траве, по цветам – нет, ничьих тут покосов нет, на косогоре-то – неудобье. Вот и чернотал, вот и заросли ивы – и отмель, а невдалеке – омуток. Тут – любимое Горькино место! С детства раннего. Местечко укромное. Песочек мелкий, горячий. Волны речные на плесе бьются, стекают... Камыши, рогоз. На косогоре – видимо-невидимо разных цветов. Яркие солнечно-желтые ромашки, золотистые лютики, синие васильки, фиалки лиловые... Ну, до чего же красиво, лепо! И хорошо как. Как бы покойный батюшка, отец Михаил, сказал: благостно. Прямо петь хочется!

– Ой, Ярило, Ярило-о-о!

Венок можно сплести...

Да уж, с теткой Брячиславой сплетишь, пожалуй! Нет, сплести-то можно, только вот у деревни лучше выбросить. Не то этим же венком по лицу и получишь! «Чтоб дурью не маялась и дела все делала в срок!» Да уж... У Брячиславы не забалуешь, лучше уж попросить боярыню Анну Павловну (самого Михайлы-сотника матушку), чтоб по осени — в девичий десяток, в Михайловский городок. Да! Допрежь того у наставницы Арины заручиться нужно. Девочек там и грамоте учат, и рукоделью всякому, и этим... «хорошим манерам и политесу» — так Миша-сотник говаривал.

Ну, это по осени... А сейчас? Все же выкупаться, что ли?

Бросив недоплетенный венок, Горька улыбнулась и быстро сняла рубаху — длинную, праздничную, выкрашенную дубовой корою в приятный глазу желтовато-коричневый цвет. Конечно же с вышивкой. По вороту, по подолу, по рукавам. Как же без вышивки-то? Это же издревле повелось — оберег от всякой нечистой силы. Узоры все эти, уточки, цветы — Горислава сама вышивала, кто же еще?

Ай! Забыла совсем про кольца височные. Рубашку-тунику снимала — едва не потеряла в траве. Одно упало — ага. Вот оно, вот. Три круглые узорчатые бусинки — между прочим, серебро! — вместе в одно целое. Кто в ушах носил, кто к волосам заколкой цеплял, кто лентой. У всякого племени кольца височные свои, наособицу. У дреговичей, вот — три бусинки, а у иных — лепестками. Хорошие кольца, красивые, такие Тимка Кузнечик (наставник Тимофей!) вместе с Кузьмой Лавровичем на приданое девам делали...

Ладно!

Аккуратно сложив платье-рубаху, девушка потянулась и стянула нижнюю сорочку тонкой льняной ткани — не из шелка, увы.

Косы расплела, вошла в воду... Встала, глянула на свое отражение, погладила сама себя по бокам... Ай, красива — ведь правда же! Тонкий стан, ноги длинные, а бедра... да и грудь уже туга! Тонкий нос, чуть припухлые губки, ресницы пушистые, черна бровь. Волосы — чистое золото, а в глазах — глубокая весенняя синь.

Сколько ей было лет, Гурислава точно не знала — никто ведь особо-то не считал. Но первую женскую кровь два лета назад уронила и с тех пор частенько ощущала внизу живота жаркое — и приятное такое! — томление. И на парней стала смотреть по-другому. Уже их почти что не била. Ну, не всех.

Замуж тебе, девка, пора! Или... или все же поначалу — в девичий десяток? Да туда-то давно бы можно... кто бы только пустил!

Да и замуж... уж пора, чего ж. Правда, тетка Брячислава не очень-то того хочет. Невыгодно ей работницу добрую в чужую семью отпускать. Невыгодно, а придется! Рано или поздно — придется. Не будешь же племянницу вечно в девках держать. Это же против обычаев, против рода. Да и не холопка Гурька, не раба, слава богу... Интересно, куда замуж отдадут? По обычаю — в соседнее селенье надо. Или в земли боярина Журавля. А лучше бы — в город!

Усмехнулась девчонка, фыркнула — помечтай, помечтай.

Сделав пару шагов, нырнула, поплыла... Ах, лепото как, лепо! Вот бы с кем-нибудь — наперегонки! Впрочем, и одной не худо. Сейчас выкупаться — и на косогор. Прямо так, голенькой. Посидеть, полежать в высокой траве, подставив ласковому солнышку плечи, обсохнуть, посмотреть на проплывающие мимо ладьи. На свои, русские, и на греческие моноксилы. О дальних странах помечтать — ой, про них

много чего вечерами на беседах рассказывали! О Царьграде, о Киеве, о Новгороде и странах полуночных, варяжских. Даже не верится, что где-то такие есть! Где она, Горислава, за всю свою жизнь и была-то? Как и все девы, окромя соседних деревень — нигде больше. Ну, в Турове на ярмарке один раз. Ох уж там впечатлений! Почитай — на всю жизнь.

Ну, все! Пора вылезать, а то тетка и вправду прибьет, с нее станется!

Горька поднялась на отмели и не торопясь зашагала к берегу. По пояс вода... по колено... по щиколотку...

— Какая же вы красивая! Ну, просто вылитая Афродита. Доброго дня!

Чу! Это еще кто такой? Вышел из-за кустов, глаза бесстыжие пялит!

Девушка мигом прикрыла руками лоно и грудь:

— А ну-ка, не пялься! А то как сейчас врежу — мало не покажется.

— Ой... Прошу прощения, высокородная госпожа... Я вот случайно шел мимо и вот невольно залюбовался... Прошу простить...

Приложив руку к сердцу, незнакомец поклонился и, поспешно повернувшись, отошел в сторону...

— Вот... так-то лучше будет.

А ведь красивый парень! И богат — видно, что богат. Вон, как одет — длинная греческая туника из лиловой бархатной ткани золотом-серебром заткана, вставки шелковые голубые небесами сияют. Пояс — золочен, на пальцах — перстни. Вот только обувь, пожалуй что, выделялась из образа. Отнюдь не царьградские сафьяновые сапожки, а... остроносые какие-то, потертые... бедноватые.

Одеваясь, Горислава все рассмотреть успела. Как и все бы в те времена.

Вообще-то, чужаков боялись — мало ли кто? Может, вражина или лазутчик вражеский? Да и так — чужой, непонятно, какого роду-племени. Что от таких хорошего ждать? Боялись... Даже странников иногда убивали — от греха подальше, так, на всякий случай.

Однако в Ратном уже бояться немножко отвыкли. Знали — младшая стража есть! Везде дозоры, никто незамеченным не пройдет, никакой чужак. Да и соседи-«лешаки» — лесные стражники Журавля, что все в лоскутках ходили — ежели что, помогут. Правда, не так давно случились с набегом ляхи... Так и все равно — о них стража предупредила заранее! Нет, никто незамеченным не пройдет, не объявится... А этот, верно, с ладьи греческой... Они тут проплывают во множестве.

— Вы оделись, юная госпожа? Могу я повернуться?

— Ну... да...

Горислава одернула рубаху и хмыкнула — ишь, как он к ней! «Госпожа»!

Незнакомец немедленно повернулся, но близко не подходил, просто смотрел, улыбаясь. Ничуть не страшный — наоборот. По виду, не намного старше Горьки. Смуглявый. Волосы длинные, черные, лицо худое. Тонкий породистый нос, бритые до синевы щеки. А глаза! А ресницы, а брови! Красив грек, что и сказать...

— Прошу простить меня за беспокойство, юная госпожа. Меня зовут Мануил Ларгис, я купец из славного града Константинополя! Ты про такой, верно, слыхала?

— Про Царьград-то? Да кто же не слыхал!

— Наш моноксил... корабль... здесь, неподалеку. Тут где-то есть родник? Хотелось бы набрать живой водицы. Немного — пару кувшинов. В реке какая-то теплая...

Как же этот чертов грек улыбался! Как смотрел... с таким восхищением, что... Если бы кто из своих так посмотрел... Да уж, вообще-то он — миленький!

— Родник, да — вон там. Где корявая сосна, левее...

— Благодарю, юная госпожа! Вы — как солнце.

Ну уж, как солнце... А вообще-то — да, приятно! Никто еще Гориславу с солнышком животворящим не сравнивал. Все больше по-другому кликали — Горька, да — пуще того — Горе луковое! А тут — солнце...

Улыбнулся грек. Подмигнул даже. Лукаво так подмигнул. Только не Горьке. Кому-то... Кто уже стоял за ней!

Эх, поздно спохватилась девчонка! Куда там — бежать! Оглянуться не успела, как набросили ей на голову пыльный грязный мешок! Набросили, потащили... Не вырвешься, нет...

В Михайлове городке, обиталище младшей стражи и ее знаменитого сотника, боярича Михаила, с утра все шло своим чередом. Как и день назад, и неделя, и месяц, и даже год. Отроки младшей стражи тренировались, изучая воинское дело, по расписанию проводилась смена дежурных десятков.

Сам же Михаил-сотник нынче занялся делом производством. Следовало точно рассчитать необходимое количество продовольствия для всего отряда — на осень и — далее — на зиму. А с этим нынче было туго — ожидался неурожай. Весна выдалась затяжной, холодной, а лето — знойным, почти без дождей. Вот и...

Всем этим Михаила занимался не один, а вместе со специально приставленным к счетному делу человеком — Ильей. Ранее Илья вместе со всей своей бюрократией занимал пристройку к складу, а вот с недавних пор по задумке сотника выстроили целую

управленческую резиденцию. Просторное дворище, сени, еще и прихожая — да. Начальник строительства — Сучок — заявил, что месторасположение власти одним своим видом должно вызывать уважение и трепет! Вот так и выстроил. Хоромы вышли — ничуть не хуже боярских!

Старшина плотницкой артели Кондратий Епифанович по прозвищу Сучок был мастером от бога. Он не только прекрасно «чувствовал дерево» и имел богатейший практический опыт, но и хорошо знал основы геометрии, умел работать с циркулем и угольником, держал в голове рецепты клеев и лаков.

Так вот этот самый мастер, вместе с помощником, родным своим племянником Питиримом (в просторечии — Пимкой или просто — Швырком) и выстроили здания для управления в Михайловом городке, а по сути — на выселках, в воинском лагере младшей стражи. Собственно, так выселки и прозвали, в те, не столь уж и далекие времена, когда парень еще не был сотником, однако уже имел невиданный для подростка авторитет. Нынче же, с Мишиной подачи, считалось, что «сей малый городок назван в честь тезоименитства духовного пастыря нашего иеромонаха Михаила, в успении вошедшего в сонм праведников, стоящих пред Горним Престолом».

Само здание «хором» было прекрасно приспособлено для управления. Чтобы можно было совет созвать, пир устроить, да еще было где писарей посадить, и казну держать, и с возвышенного места приказы объявлять. С крыльца. Почти что княжеского. Так ведь и задумано было — на крыльце сразу видно бывает, кто из бояр к князю ближе, а кто дальше. Когда князь по каким-то торжественным случаям на крыльце восседает, то бояре на ступенях стоят — ближние повыше, остальные пониже.

В хороминных сенях устроили большие окна, не только для света, но и для воздуха, иначе на пиру так надышат, что в волоковые окошки этакий дух не пролезет! На ночь и в непогоду окна закрывались ставнями — продумали и это.

Село Ратное — можно сказать, здешняя столица, столица всего Погорынья, земель по Горыни-реке — располагалось неподалеку и называлось так со времен киевского князя Ярослава, варягами прозванного Скупым, иными же — Мудрым. Именно по его веле нию сюда, на границу древлянских и дреговических земель, определили на жительство сотню княжеских воинов с семьями, обязанных по первому призыву сюзерена — князя Киевского, а позже Туровского — выступить в воинский поход. До того же — учиться ратному делу и иметь все для того необходимое — оружие, лошадей и прочее.

Таким образом, село Ратное было богато и многолюдно, поскольку по княжьей жалованной грамоте не платило никаких податей, рассчитываясь с князем за землю и привилегии воинской службой, совсем как европейские рыцари. Кроме пожалованных князем земель еще имелись угодья, захваченные по праву сильного у местных, почти что язычников. Ох, мутили волхвы водицу, мутили! Да еще как. Какая там «христианская Русь»?

Почти половина домов в Ратном топилась по черному, совсем же старые и вообще представляли собой полуземлянки, почти на треть заглубленные в землю, так что при входе приходилось не подниматься на крыльцо, а спускаться вниз. Окошки в домах служили скорее для вентиляции, чем для освещения, и либо затягивались бычьим пузырем, либо просто задвигались дощечкой.

Население, как и во многих местах, знало грамоту: неумение читать и писать считалось изъясном,

и весьма существенным. Сюда же, в Михайловский городок, Михаил сманил самых, по его мнению, умных, к неудовольствию старосты и старого сотника, собственного деда Корнея Агеича Лисовина. Род Лисовиных, к слову, имел отношение к Рюриковичам, вот так-то!

— Так что, Илья, говоришь? Совсем плохо с хлебушком будет? — Михаила отложил в сторону счеты.

— Ну-у... Совсем, не совсем... А думаю, эту зиму поголодаем. А там, как Бог даст!

— «Поголодаем»... Несподручно нам голодать-то!

Передразнив писца, Михаил вышел из-за стола и задумчиво заходил по горнице, точнее сказать — по сеням или даже по гостиной, что ли. Выскобленные до белизны доски пола покрывал четырехугольный светло-серый войлок с красными узорами. Бревна сруба скрывали гладко струганные доски светлого дерева, дощатый потолок был тщательно выбелен, правда, местами прокоптился уже от свечей, однако все равно в парадных сенях было непривычно светло.

Посередине, прямо на войлоке, стоял длинный стол, накрытый белой льняной скатертью, а вокруг стола — двенадцать резных полукресел из ясеня и граба. На стеллажах виднелась парадная, раскрашенная «под хохлому», посуда.

На столе, между двумя пятисвечниками, имелся поднос, тоже раскрашенный под хохлому, на котором стоял кувшин с квасом и лежал небольшой ковшик. Все это придавало горнице яркий, праздничный вид, а отсутствие стоящих вдоль стен лавок и сундуков добавляло простора... чем Миша сейчас и пользовался: ходил вот, соображал, думал.

Что же было делать с надвигающимся неурожаем и голодом? Что?